

Проводы священника на Дальній Востокъ.

(Достойные поднаго вниманія и глубоко назидательные).

11-го іюня сего года получилъ я пакетъ изъ Духовнаго Правленія съ надписью: «в. срочное» и, не вскрывая его, уже понялъ, въ чемъ дѣло. «Ляоянь... 22-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ... на театрѣ военныхъ дѣйствій... отпривиться безъ замедленія...» промелькнули затѣмъ въ моихъ глазахъ слова ордера О. Протопресвитера.

— Не много времени и труда заняли сборы и приготовленія: въ походъ всего не возьмешь, а лишь самое необходимое, а что именно—этого я не рѣшилъ и до сихъ поръ; больше потребовали времени и хлопотъ дѣла бумажнаго характера: рапорты объ отпривленіи къ мѣсту новаго служенія— О. Протопресвитеру, мѣстному преосвященному, въ штабъ, благочинному, телеграмма о томъ же командиру 22-го полка; нужно было получить предписаніе изъ штаба, аттестаты, паспортную книжку, закончить бумажныя дѣла по собору, отдѣленію и т. п. 17-го числа и интенданство съ казначействомъ ублаготворило меня и того же дня я былъ уже въ вагонѣ, стараясь разобраться подъ монотонный глухой барабанъ колесъ въ калейдоскопѣ послѣдней недѣли.

— 15-го іюня, за два дня до отъѣзда, попрощался я съ соборомъ и въ соборѣ. Послѣ напутственнаго молебна, которымъ обыкновенно я провожалъ другихъ, въ которомъ теперь ко мнѣ самому относились, съ ихъ навѣвающей грустью мелодіей, слова: «путь и истина съи Христе...», показавшіяся мнѣ особенно трогательными и исполненными особаго значенія, какъ и весь молебенъ,—О. настоятель, протоіерей К. Б., едва удерживаясь отъ слезъ, обратился ко мнѣ съ рѣчью, отъ которой дрогнуло мое сердце, и благосло-

вить меня св. иконою ¹⁾). Нѣсколько оправившись, я сказалъ: «глубоко благодарю Васъ, о. протоіерей, за доброе слово, которымъ Вы такъ порадовали меня; въ немъ мой смущенный духъ почерпаетъ силы и бодрость. Благодарю Васъ всѣхъ за св. икону, этотъ видимый знакъ невидимаго Божія благословенія мнѣ на новый путь. «Отъ Господа путіе исправляются, и путемъ, имъ-же не возвращуся» уже въ св. храмъ сей, «иду». Иду въ тотъ край, гдѣ теперь суша и море обагрятся кровію, гдѣ среди царства смерти, грома и молніи, въ общемъ русскомъ военномъ подвигѣ, подвизаюся я военные пастыри, правда — не съ мечемъ и огнемъ, а съ Христовымъ символомъ побѣды и спасенія въ рукахъ и словомъ крѣпкой вѣры и утѣшенія на устахъ. Вотъ имъ въ помощь, на сѣбю, отправляюсь и я. Я твердо вѣрую, что это благословеніе, съ которымъ пребуду до заката дней моихъ, будетъ охранять меня и воодушевлять въ трудныя минуты, вмѣстѣ съ Вашей молитвенною памятію о мнѣ въ этомъ Домѣ Божіемъ, съ которымъ я теперь съ грустью расстаюсь.

Болѣе семи лѣтъ, этихъ свѣтлыхъ, лучшихъ дней моей жизни, прошли въ семъ соборномъ храмѣ, и среди Васъ; и какъ величавый храмъ будетъ всегда въ душѣ моей, и чѣмъ дальше, тѣмъ краше, милѣе и неоцѣненнѣе, такъ вмѣстѣ съ нимъ и всѣ Вы будете вставать, какъ сейчасъ, въ моемъ духовномъ взорѣ.

— Да простить мнѣ св. Храмъ Господень, если я когда съ нечистымъ сердцемъ дерзалъ приступать къ его святынямъ, недостойными устами и совѣстію проходилъ въ немъ чреду служенія.

— Прости, дорогой настоятель и незабвенный мой наставникъ и собратъ, прости «немощи» твоего ученика, коими онъ, быть можетъ, огорчалъ тебя. Спасибо тебѣ за все доброе, а я его только и видѣлъ. Ты умѣлъ помочь, умѣлъ поддержать, научить—во время, деликатно: намекомъ, совѣтомъ, чаще—своимъ примѣромъ. Всего не вспомнишь.

— И всѣ мои сослуживцы, и Вы, почтенные, безкорыстные ревнители о благолѣпіи Дома Божія, (ктиторъ и староста)—простите меня, когда я погрѣшилъ противъ васъ словомъ или дѣломъ, и не помяните зломъ.

¹⁾ Иконою Спасителя, съ вырѣзанною на серебряной досечкѣ надписью: «Достоуважаемому О. Андрею Александровичу Богословскому, въ память семилѣтняго служенія въ Ташкентскомъ епископскомъ соборѣ, благодарные сослуживцы—протоіерей К. Богородицкій, протоіакоимъ П. Любский, ктиторъ И. К. Шнейвассъ, староста В. О. Якубовскій. 15 іюня 1904 г.».

— Прощайте пѣвцы. Много сладкихъ, молитвенныхъ минутъ испытать я, слушая ваше умилительное пѣніе. Не знаю—гдѣ-то я его еще услышу?!

— Прощайте всѣ усердные посѣтители этого св. храма. Молясь съ вами, я видѣлъ въ васъ такую вѣру и благоговѣніе, что ими поучался я ихъ никогда не забыть. И вида это, самъ хотѣлъ быть лучше, достойнѣе, учительнѣе. Но, должно быть, вѣчно правдивы слова апостола: «не то я дѣлаю, что хочу; добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, которое ненавижу, сіе содѣваю; бѣдный я человекъ».

Теперь послѣдняя моя просьба: помолитесь за меня, да «не умру, но живъ буду, и повѣмъ дѣла Господня!»

— Послѣдній разъ я облобызала святыни соборнаго храма, преклонился предъ гробницами славныхъ мужей, покоящихся въ соборѣ: генераль-губернаторовъ—К. П. фонъ-Кауфмана и новопреставленнаго Н. А. Иванова и о. протоіерея А. Малова, молитвенно испрашивая его благословія.

— 16-го числа въ саду военнаго собранія, (куда представили меня «въ сопровожденіи» и съ музыкой, какъ невѣсту какую), почтили меня прощальною трапезою, во главѣ съ начальникомъ штаба, генераль-лейт. Всев. Викт. Сахаровымъ, генераль-квартирмейстеръ генераль-майоръ М. Д. Евреинъ, окружный дежурный генераль, ген.-м. И. И. Ѳедотовъ, офицеры и чиновники штаба, директоръ Ташк. приготовит. школы²⁾ (нынѣ корпуса) и инспекторъ классовъ, а также городское военное духовенство и нѣкоторые епархіальные священники.

Послѣ рѣчи его превосходительства, В. В. Сахарова, глубоко запавшей мнѣ на сердце, сказалъ мнѣ настоятель собора послѣднее слово, отъ котораго я окончательно сконфузился. Послѣ сихъ рѣчей одно лишь я ясно созналъ, что какъ легко заслужить такое отношеніе, т. е. какъ и малые труды и малыя достоинства высоко оцѣниваютъ внимательные добрые начальники, и это дѣлаютъ они, должно быть, съ педагогическою цѣлю—поднять, возвысить человека, ибо уронить и унижить человека легко и просто, а поднять его трудно. Помогите мнѣ, Боже, хоть въ малой долѣ оправдывать тѣ эпитеты, которые услышало мое ухо; отсель они будутъ идеаломъ и путеводною звѣздою во всей моей послѣдующей дѣятельности и въ ближайшей—на подлѣ брани.

Въ отвѣтной рѣчи, поблагодаривъ его превосходительство и всѣхъ при-

²⁾ Здѣсь, чередуясь съ настоятелемъ, я совершалъ богослуженіе.

сутствующихъ, указавъ затѣмъ на предстоящій мнѣ путь, я говорилъ: «здесь я нахожу объясненіе вашего отношенія ко мнѣ, которое всегда буду помнить,—чтобы поддержать, ободрить духъ отъѣзжающаго туда и вступающаго въ новую жизнь. «Счастливы тотъ человѣкъ», припоминается мнѣ глубокая истина, «у котораго въ душѣ сохраняются дорогія, свѣтлыя воспоминанія; онъ не погибнетъ, выдержитъ всякія испытанія и бури». А у меня, послѣ семилѣтняго общенія съ Вами, на лицо лишь одно прекрасное: въ штабѣ всегда встрѣчалъ я помощь, совѣтъ, доброжелательство. Никогда не забуду я того участія, которое видѣлъ, когда, угнетаемый неодолимыми, казалось, препятствіями, ходатайствовалъ объ опредѣленіи сыновей моихъ въ корпусъ. Ваше постоянное вниманіе и расположеніе къ носителю священнаго сана радовали, поднимали энергію, и невольно внушали ему желаніе: быть лучше, выше, достойнѣе. И я не разъ выносилъ отъ васъ это драгоценное чувство и вѣрьте: оно навсегда оставило признательный слѣдъ въ душѣ моей. Изъ глубины этого признательнаго сердца, позвольте, господа, провозгласить: за здоровье вашего превосходительства, Всеволодъ Викторовичъ, и всѣхъ васъ—«ура»!

— Однако, сколько ни напрягаюсь, не придумаю: чѣмъ и когда я могу отблагодарить сихъ благородныхъ русскихъ людей.

— Вотъ уже и послѣдній день—17-е іюня. Какъ много сегодня Ташкентцевъ на вокзалѣ! Вотъ вижу знакомыя лица старыхъ сослуживцевъ—офицеровъ 1-й Турк. стр. бригады, прощающихся со своимъ бывшимъ священникомъ. Сожалѣли они, что поздно пришла въ лагерь вѣсть объ отъѣздѣ и подпискѣ, почему и лишены были возможности участвовать въ прощальной трапезѣ. Ихъ уже не много, за 7 лѣтъ сильно порѣдѣли ряды ихъ: кого перевели (нѣкоторыхъ встрѣчу на поляхъ Ляояна, имъ везу поклонны), кого не стало...; еще на дняхъ я провожалъ одного изъ нихъ туда, откуда уже не возвращаются. Вотъ прощаются сборные пѣвчіе. Подходятъ получить послѣднее благословеніе богомольцы сборные; иные плачутъ. Мнѣ не до билета, его достала одна добрая душа; исхлопотали уже и отдѣльное купе и непременно въ «Пульманѣ»; тамъ послѣ нашелъ и свои походные доспѣхи, о которыхъ и не вспомнилъ. Господи, сколько нитей связываетъ священника, нитей невидимыхъ: о нихъ не знаешь и не подозреваешь. Уже 2-й звонокъ, а конца прощаніямъ не видно. Едва успѣлъ проститься съ семьей, съ сослуживцами, поблагодарить епарх. благочиннаго и его духовенство. Задумчиво смотрю изъ окна купе; нѣтъ—попросили на площадку.

Вышелъ: виѣсто суматохи, какая-то тишина, общее вниманіе, и вдругъ раздались могучіе торжественные аккорды «Боже, Царя храни». Не держала русская душа, (хотя и заброшенная въ далекій Туркестанъ, она вездѣ одинакова—всегда русская), провожая духовнаго воина—новобранца въ помощь защитникамъ Царя и Отечества. Это была дивная, потрясающая минута. Трижды прогремѣлъ народный гимнь, исполненный мощною народною грудью. Когда замеръ послѣдній аккордъ, поѣздъ, нарушая очарованіе, тихо двинулся, направляясь въ туманную невѣдомую даль. Поспѣшилъ я сдѣлать общій глубокій поклонъ, наскоро пожалъ перекрестившую меня руку о. настоятеля и друга, увидѣлъ многія благословляющія руки, перекрестился самъ, и навсегда исчезла чудная картина, которая будетъ свѣтлымъ видѣніемъ въ моей жизни.

— Поникъ я головой и долго уяснялъ себѣ полученные изъ всего испытаннаго уроки. Что-то меня ожидаетъ впереди, буду-ли имѣть возможность оправдать довѣріе О. Протопресвитера, заслужить эти честь и вниманіе, полученные авансомъ.

Вразуми, Господи, помоги, дай силу, чтобы чиста была моя іерейская и русская совѣсть.

А мысль уже, подъ рокоть колесъ, перешла къ дорогѣ, перенеслась уже за Ляоянь—въ 22-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ...

Сего подана священникъ **А. Богословскій.**